

УДК 811.161.1'373.211.5(476)

ОЙКОНИМЫ СО СЛАВЯНСКИМИ ТОПОФОРМАНТАМИ НА ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОЙ ПОЧВЕ

Ключевые слова: ойконим, прибалтийско-финский, топооснова, топоформант, вепский.

В статье представлен анализ некоторых ойконимов с формантом *-ичи*, *-овичи*, зафиксированных в контактной с прибалтийско-финскими языками зоне. Выделяются ойконимы со славянской, прибалтийско-финской основой. Отмечается, что при прибалтийско-финской топооснове ойконим имеет славянский топоформант.

S.A. Myznikov
Institute for linguistic research Russian academy of science

NAMES OF POPULATED PLACES WITH SLAVIC TOPOFORMANTS ON BALTIC-FINNISH BACKGROUND

Key words: *oikonym, Baltic-Finnish, topographic, toponyms, Veps.*

The article presents an analysis of some of the settlement names with the formant *-ichi* *-kaichi* fixed in contact with the Baltic and Finnish language area. Oikonyms stand with Slavic, Baltic and Finnish base. It is noted that lexeme has the root of the Baltic-Finnish origin and Slavic (Russian) toponym.

Данная работа основана на материалах, которые попутно собирались в ходе диалектологических экспедиций на территории областей Северо-Запада. В основном собиралась апеллятивная лексика, причем упор делался на сбор лексики прибалтийско-финского происхождения. При наличии на территории Новгородской, Ленинградской областей в настоящее время прибалтийско-финского населения: вепсов, валдайских карел, ижоры, води, и связанных с этими этносами обширных субстратных топонимических данных (гидронимов, микротопонимов и т. п.) и апеллятивов, ойконимия большей частью представляет данные славянского (resp. русского) происхождения.

Обращает на себя внимание, что в ряде районов с доминированием прибалтийско-финского населения фиксируются ойконимы с формантами *-ичи*, *-овичи*. В.Л. Васильев при анализе такого рода единиц объединял новгородские названия с формантами *-ичи* (< **-itji*) и *-ицы* в единый деривационный класс ойконимов на *-ичи/-ицы*, поскольку, как он считает, позволяет характеризовать формант *-ицы* в качестве диалектного «цокающего». По его мнению ойконимы Боровичи и Боровицы, Ляховичи и Ляховицы, Воймеричи и Воймирицы как параллельные варианты наименований одних и тех же пунктов [1, 229]. На наш взгляд, такой подход на нашем материале не вполне применим, поскольку ойконимы на *-ичи* фиксируются чаще всего вне всякой связи с наименованиями на *-ицы*.

Следует отметить, что ойконимы на , которые имеют топоформант *-ичи*, *-ычи*, *-овичи*, *-вичи* встречаются на всей славянской территории, но частотность их не одинакова. Наиболее широко рассматриваемый тип названий представлен на белорусской территории. По мнению В.А. Никонова, восточная часть славянского населения, у которой такие ойконимы были особенно продуктивными, стала позднее «основой белорусской народности» [2, 204]. Отмечается, что первоначально такие единицы выступали в роли названий родовых коллективов, причем складывались эти коллективы из нескольких поколений. Ойконимы обозначают «калектыў нашчадкаў пэўнай асобы», который селился в той или иной местности [3, 132]. Позднее родовые названия *-ичи/-ычы*, *-овичи*, *-евичи* на белорусской почве топонимизировались, т.е. обозначение группы лиц

стало обозначением места их проживания. Чаще всего названия этого типа были образованы по модели «имя собственное + континуанты **itj*». В основу названий на *-ичы/-ычы, -овичы, -евичы* могли быть положены как полные, так и разговорно-диалектные формы имен собственных [4, 19].

В обследуемом регионе (Новгородская, Ленинградская области) ойконимы на *-ичи* (*-овичи* реже), нередко имеют предыдущую прибалтийско-финскую отантропонимическую форму на *-L* (адессив и показатель нахождения где-л.). Например, отмечаемое в настоящее время название села Юксовичи (Подпорожский р-н Ленинградской области), упоминается в XIII веке в приписке к Уставной грамоте Святослава Ольговича, как погост на Юсколе [5, 148].

Ойконимы на *-ичи*, отмечаемые на территориях с прибалтийско-финским субстратным влиянием разделяются на ряд групп.

1. Ойконимы, в основе которых лежит русский (др.-русский) антропоним, например: **Киковичи** ср. русск. антропоним Кико < Кирилл [6, 79]; **Федотовичи**, ср. Федот; **Лазаревичи**, ср. Лазарь.

2. Ойконимы, в основе которых лежит прибалтийско-финский антропоним: **Мустиничи** – ср. вепс. антропоним *Mustoi*, при вепс. *must* ‘черный’ [6, 96]; **Рахковичи** – ср. вепс. *Rahkoi* [6, 88].

3. Ойконимы, которые в настоящее время можно соотнести с прибалтийско-финской апеллативной лексикой. Эта группа довольно многочисленна. Например: **Лембовичи**, ср. вепс. *l'emboi* [7], причем имеются обширные русские диалектные данные, как результат прибалтийско-финского влияния: **ле'мбой** ‘нечистая сила, черт’ Медвежьегор., Пудож., Прионеж., Беломор. Карел., Подпорож., Ленингр. Терск. Мурман. [8].

Харагеничи – деревня в Тихвинском р-не Ленинградской области. Отмечается также заимствованный апеллатив, зафиксированный в Прионежском районе Карелии, этимологически с ним связанный, – **ха'рак** ‘ворона’ (Вороничи) [8]. Данная лексема восходит к вепс. *harag* ‘сорока’, при фин. *harakka*, кар. *harakka*, ливв. *harakku*, люд. *harag*, эст. *harak* ‘сорока’. SKES показывает, что в прибалтийско-финских языках приведенный ряд лексем также не исконен, здесь имеет место влияние балтийских языков: литов. *šárka*, др.-прусс. *sarke* ‘сорока’ [8, 1, 57–58].

4. Имеются ойконимы с прибалтийско-финской основой, трактовка которой возможна на различных этимологических и структурных основаниях. Например, название деревни **Корбеничи** (Тихвинский р-н Ленинградской области). И.И. Муллонен возводит к вепс. *korb* ‘глухой лес’, которое широко отразилось на русской диалектной почве **ко'рба** ‘густой дремучий высокий еловый лес’ Подпорож. Ленингр. (Заозерье, Усланка, Курпово, Шеменичи, Яндеба, Юксовичи, Важины, Пидьма, Ульино, Гоморовичи), Лодейноп. Ленингр. (Имоченицы, Шамокша, Акулова Гора, Кяргино, Тененичи, Коковичи, Алеховщина), Тихв. Ленингр, Прионеж. Карел. (Суйсарь, Ладва, Педасельга), Пудож. Карел. (Колово, Пяльма, Авдеево), Кондоп. (Колгостров., Гангозеро, Чоболакша, Лижма), Медвежьегор. Карел. (Сенная губа, Челмужи), Вытегор. Волог. (Ошта) [8]. Ср., однако, вепс. *korboi* ‘загуста из овсяной муки’ [7, 225]. Причем имеет широкое распространение лексема **ко'рба** ‘рыба елец’ Медвежьегор. Карел. (Великая Губа, Великая Нива, Ламбасручей, Палтега, Пабережье), Прионеж. Карел. (Суйсарь), Кондоп. (Колгостров), Пудож. Карел. (Римское) [8].

5. Отмечаются ойконимы, которые, изменяют прибалтийско-финскую основу, преобразуя ее в полногласный вариант, ср. вепс. *hamar* ‘обух (топора) и название деревни **Гоморовичи** [6, 95].

6. В ряде случаев весьма затруднительно выявить природу основы ойконима, например: **Шеменичи, Шириничи, Шондовичи** Подпорож, этимология последних на данном этапе исследования кажется не вполне понятной как на славянской, так и на прибалтийско-финской почве.

Анализируя ареальную дистрибуцию ойконимов на *-ичи* в исследуемом регионе следует отметить, что наиболее частотно их фиксация в настоящее время в Лужском районе Ленинградской области, например: **Бутковичи, Васельковичи, Влешковичи, Волосковичи, Естомичи, Коростовичи.**

На территории с вепским влиянием таких единиц отмечается также довольно много, например, в Лодейнопольском районе Ленинградской области: **Ребовичи, Рекиничи, Симовичи, Тененичи, Тервеничи.**

Литература и источники

1. Васильев, В. Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования) / В. Л. Васильев. – Великий Новгород : НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2005. – 468 с.
4. Никонов, В. А. Славянский топонимический тип / В. А. Никонов // Вопросы географии. Сборник 58. – Москва, 1962.
5. Лемцюгова, В. П. Аб адной разнавіднасці апелятыўных тапасноў (на матэрыяле Брэстчыны) / В. П. Лемцюгова // Беларуская аанамастыка. – Мінск, 1985. – С. 38–51.
6. Генкин, В. М. Ойконимия и катойконимия Белорусского Поозерья : учеб.-метод. пособие / В. М. Генкин. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2009.
6. Шапов, Я. Н. Древнерусские княжеские Уставы XI-XV вв. / Я. Н. Шапов. – М., 1976.
7. Муллонен, И. И. Очерки вепской топонимии / И. И. Муллонен. – СПб. : Наука, 1994.
8. Зайцева, М. И., Муллонен, И. И. Словарь вепского языка / М. И. Зайцева, И. И. Муллонен. – Л. : Наука, 1972.
9. Данные полевого лингвогеографического обследования автора на территории Северо-Запада России.
10. Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1-7. Helsinki, 1955–1981.

Г.Д. Неганова

Костромской государственной университет имени Н.А. Некрасова
e-mail: cultland@yandex.ru

УДК 181.161.1

ЛЕКСИЧЕСКИЕ МАРКЁРЫ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

Ключевые слова: ойконим, географический апеллятив, народный географический термин, говоры Костромской области.

В статье рассматриваются географически мотивированные ойконимы костромского края в аспекте народных говоров. Устанавливается их связь с народными географическими терминами, сопоставление с которыми позволяет уточнить первоначальное значение этой группы проприальной лексики. Определяются ареалы, выявляются наиболее частотные и единичные наименования селений и сравниваются с топонимикой соседних регионов. Географически мотивированные ойконимы, возникшие на диалектной базе, позволяют уточнить номенклатуру народной ландшафтной лексики, рассмотреть местные географические термины в синхронии и диахронии.

G.D. Neganova

Nekrasov Kostroma State University

LEXIS MARKERS OF CULTURE LANDSCAPE

Key words: oikonym, geographical appellative, dialect geographical term, dialects of the Kostroma region.

The article is devoted to the research of the geographically motivated names of Kostroma villages in the aspect of folk dialects. Establishes their connection with folk geographical terms. Comparison with them clarifies original meaning oikonyms. The study identified their areas, identified the most frequent names of villages and isolated and compared with the toponyms of the neighboring regions. Analyzing geographically motivated oikonymy, that have arisen on the basis of dialect, the author clarifies the range of dialect landscape lexis and considers local geographical terms in synchrony and diachrony.

Несмотря на существование в современной отечественной науке различных концепций культурного ландшафта, большая часть исследователей едина в том, что он представляет собой природно-культурный территориальный комплекс / природно-общественную территориальную систему со своими характерными особенностями. В соответствии с концепцией, выработанной в результате научной дискуссии лингвиста А.С. Герда [4] и географа Г.А. Исаченко [5], это особенности, характеризующие не только природу культурного ландшафта, культуру местного населе-